

УДК 316.276:81'367.622.21

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ

И.А. ГРИГОРИК

(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)

Подчеркивается особая значимость когнитивного подхода к проблеме собирательности, позволяющего по-новому рассмотреть природу существительных. Устанавливается зависимость и соотношения в когнитивной цепочке «разум (сознание) – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие». Рассматривается концепция Р. Лангакера; показано, что полная семантическая характеристика высказывания устанавливается на основе таких факторов, как уровень конкретности восприятия ситуации, фоновые предположения и ожидания, относительная выделенность конкретных единиц и выбор точки зрения на описываемую сцену. Ситуация базируется на различении «фигура – фон» как когнитивном феномене, который характеризует человеческое восприятие. В результате абстрагирования кодируются важные для языка характеристики, которые служат основой при формировании передаваемых концептов. Когнитивный подход к изучению собирательности является достаточно важным и помогает понять сложную природу этих единиц.

Подчеркивая особую значимость когнитивного подхода в лингвистике, мы бы хотели отметить, что он позволяет рассмотреть по-новому категорию собирательности. Правомерность и своевременность нового обращения к исследованию собирательных имен существительных в русском, белорусском и английском языках обусловлена своеобразием их логико-понятийного содержания и объема, которые проявляются в различных сторонах языка: в семантике, морфологии, в словообразовании и синтаксисе. Поэтому мы считаем необходимым тщательно изучить сложный комплекс связей и взаимодействий, определяющих характер собирательности. Изучением данными проблемами занимались следующие лингвисты: Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, А.А. Залевская, В.И. Кодухов, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, А.А. Шахматов, Д.Н. Шмелев – в русском языке; А.А. Потебня, А.А. Шахматов, И.И. Мещанинов, Б.А. Серебренников, В.И. Кодухов, В.И. Роговцов, Г. Клименко, Я.Ф. Карский, М.Г. Булахов, А.Я. Михневич, А.Е. Супрун, М.С. Явневич, П.У. Стяцко – в белорусском языке; Л. С. Бархударов, А.В. Бондарко, Н.А. Слюсарева, И.А. Стернин, С. Дик, Р. Лангакер, Д. Байбер, С. Джохансон, Дж. Лич, С. Конрад, Э. Финеган, Дж. Фокониа – в английском языке.

Цель работы – рассмотрение феномена собирательности с точки зрения когнитивной лингвистики разноструктурных языков (два из которых – русский и белорусский – являются близкородственными), а также английского языка.

Основная часть. Выбор основных методов исследования определяется целями работы, которые потребовали применения комплексной методики исследования. Изучая нашу проблему с точки зрения когнитивной лингвистики, мы получаем соответствующую «систему координат» для анализа исследуемого явления, что позволяет нам выделить и смоделировать когнитивную структуру, входящую в психологически реальное значение и определяющую фокус концепта. Для решения поставленных задач используются следующие методы: компонентный анализ и сопоставительный анализ.

Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, собирательные существительные в русском языке – имена, называющие совокупность однородных предметов и выражающие это значение при помощи собирательных суффиксов (воронье, беднота, учительство, бюрократия) [1, с. 739]. В белорусском языке «зборныя назоўнікі абазначаюць сукунасць людзей, жывел, істот, аднародных прадметаў як адно непадзельнае цэлае, напрыклад: чарот, вуголле, чалавечства, фэтвара, студэнцства, птаства, звяр’е, лазняк» [2, с. 53]. В английском толковом словаре под редакцией А. Хорнби, Э. Гейтенби, Х. Уэйкфилда дается следующее определение собирательных существительных: существительные, которые употребляются в единственном числе, но обозначают множество индивидуумов (*castle, crowd, audience*) [3]. Согласно Робину Л. Саймону, собирательные существительные – особый класс, состоящий из членов (обычно людей). Они могут употребляться и в единственном числе, и во множественном в зависимости от контекста [4]. Д. Байбер, С. Джохансон, Дж. Лич, С. Конрад, Э. Финеган считают, что собирательные существительные ассоциируются с особым типом бытия: людей (*crowd, gang*), животных (*flock, herd, shoal, swarm*), растений (*bouquet, clump*), неодушевленных объектов или реальностей (*batch, set, bunch, gang, pack*) [5].

Таким образом, мы видим, что общее понятие «собирательность» в данных языках приблизительно совпадает, но при рассмотрении отдельных существительных – полный разнобой. Однако в значении подобных имен признак «совокупного множества» всегда преобладает над раздельностью логических признаков, его составляющих.

В собирательном существительном диалектически сопряжены два значения – значение реального множества предметов, которое рецессивно, т.е. отступает на задний план, и значение виртуального единичного предмета, которое доминанто, т.е. выдвигается на передний план. Подчеркивая специфику собирательных имен, В.Ф. Асмус пишет: «Собирательные понятия соединяют в себе свойство общих и единичных понятий. Так же, как общие понятия, они охватывают или представляют целый класс предметов. Так же, как посредством единичных понятий, посредством собирательных понятий мыслится единичный предмет. Однако мыслимый посредством их единичный предмет существует в качестве единичного только для мысли. В действительности единство его складывается из множества, причем реально существует – в качестве предмета – именно множество, а не единство» [6, с. 37].

Собирательность предполагает такое сущностное, значимое качество, которое отличает данный класс от объектов другого класса. Каждое множество – это особая единица, особая индивидуальность. Назначение собирательности существительных изначально было, по-видимому, в том, чтобы отличить классы объектов друг от друга. Это значит, что категория собирательности находится на ином, более высоком уровне абстракции по сравнению с названиями конкретных предметов. Категорию таких имен, видимо, будет вернее назвать «совокупное множество», хотя в этом сочетании налицо семантическая избыточность, так как понятие множества в логике определяется как «набор, совокупность каких-либо объектов, обладающих общим для всех их характеристическим свойством» [7, с. 218].

Мы употребляем название «совокупное множество», чтобы противопоставить его «расчлененной, разделительной множественности» предметов, выражаемых в языке грамматической оппозицией «единичности/множественности». Уже по набору категориальных семантических признаков: конкретность, неисчисляемость, одушевленность/неодушевленность, лицо/нелицо, вещество, можно судить, что так называемые собирательные имена как в русском, белорусском, так и в английском языках представляют значительный, но очень слабо очерченный и подвижный пласт лексики. Отличительной чертой собирательных имен является то, что они не подпадают под обычное грамматикализованное противопоставление «единственное/множественное» число, на котором основывается числовая характеристика имен классов (*a table – tables*). Категория собирательности, с одной стороны, смыкается с грамматической категорией числа, а с другой – с лексической категорией массы, недискретной субстанцией. Однако нельзя отождествлять собирательность с категорией массы, поскольку категория собирательности является единством лишь в сигнifikативном аспекте, в денотативном же аспекте она – множество. В английском языке двойственная природа собирательных существительных проявляется наиболее ярко: все собирательные существительные способны выявлять как единство, нерасчлененность денотата (тип объединительной собирательности), так и множественность денотата, расчлененность в рамках совокупности (тип разделительной собирательности) через формы синтаксически связанных слов. Имена с собирательной семантикой являются одновременно и числовыми формами, поскольку они выполняют функцию согласования в числе. Совмещая в себе черты единичных и общих понятий, т.е. единичность, и множественность, категория собирательности, тем не менее, представляет собой единичность, поскольку характеризует множество как целостность. С другой же стороны, собирательность подразумевает все же множество, хотя и однородных предметов.

Поскольку понимание собирательности напрямую связано с мышлением, самым правомерным является установление зависимостей и соотношений в когнитивной цепочке «разум (сознание) – язык – презентация – концептуализация – категоризация – восприятие» [8, с. 3], что и является центральной проблемой когнитивной лингвистики. В результате абстрагирования кодируются важные для языка характеристики, которые служат основой при формировании передаваемых концептов. Даже высказывание, описывающее объективную реальность, может иметь различное значение в зависимости от того, как ситуация сконструирована. Выделенность понятия, получающего различные характеристики, реализуется в понимании того, что в центре внутреннего мира каждого человека находится он сам, а мир воспринимается как межсубъектная действительность. Выделенность или релевантность определяет, что в конкретном случае является существенным, и от этого зависит форма высказывания. Таким образом, когнитивная семантика – эксплицитная, заземленная субъективистская теория значения, в которой принимается, что значение высказывания не может быть сведено к объективной характеристизации ситуации: не менее важным является и ракурс, выбираемой «концептуализатором» при рассмотрении ситуации для выразительного ее портретирования.

Полная семантическая характеристика высказывания устанавливается на основе таких факторов, как уровень конкретности восприятия ситуации, фоновые предположения и ожидания, относительная выделенность конкретных единиц и выбор точки зрения на описываемую сцену. Ситуация базируется на различии «фигура – фон» как когнитивном феномене [9, с. 185], которая характеризует человеческое восприятие и интерпретацию действительности и не сводится к совокупности ее частей. Р. Лангакер разработал особый семантический метаязык, в котором значения слов описываются с помощью рисунков – схем. В основе описания лежит понятие когнитивной области, по отношению к которой происходит высказывание. Концептуализация подразумевает процесс выделения понятия на основе имеющихся пред-

ствлений – профилирование. Идея выделенности является ключевой и описывается с помощью терминов «фигура» и «фон». В какой-то степени концепцию Р. Лангакера можно соотнести с понятием ядра (фигуры) и околоядерного пространства (фона) в отечественной концепции семантического поля. Суть различия фигуры и фона заключается в следующем: при восприятии любого дифференцированного поля одна из его частей инвариантно выделяется четко различным образом; эта часть называется фигурой, а все остальное – фоном, основой фигуры. Выделение фигуры на фоне всего является автоматическим и обязательным. Различие «фон – фигура» объясняется их разными перцептуальными свойствами, под которыми мы понимаем признаки и качества разных объектов, формирующих целостный образ, и которые обобщаются нашим сенсорным или чувственным опытом в виде отражения окружающей нас объективной действительности.

Фигура характеризуется веществом, плотностью, дискретностью, определенностью, четкой организацией. Она обладает контурами, локализованностью: замкнута, маленькая, находящаяся в пространстве близко, вверху, впереди, более яркого цвета, большого контраста. Фигура постоянна, симметрична, значима, знакома.

Фон характеризуется следующим: бесформенностью, диффузностью, непрерывностью, плавностью, слабой пригонкой частей, меньшей очерченностью, отсутствием границы, нелокализованностью, без различимых частей. Он большой, в пространстве находящийся внизу и далеко, сзади, менее яркого цвета, меньшего контраста, непостоянный, без закономерностей, незначимый и незнакомый [9, с. 186].

Обязательность различия «фон – фигура» при любом восприятии позволяет интерпретировать некоторые части текста как более заметные, релевантные, т.е. выступающие как фигура по отношению к своей основе – всему остальному тексту. Выбор элемента в качестве фигуры связывается с его естественной выделенностью и коммуникативно мотивированным выдвижением. Языковые рефлексы отношений обоснования обнаруживаются в структурной (синтаксической) организации текста, его информационной динамике и в эксплицитных лексических и других маркерах.

Далее мы попытаемся работать в рамках концепции Р. Лангакера, которая импонирует своей оригинальностью, лучшей разработанностью и когнитивным направлением мысли. Так, например, говорящий, который наблюдает звезды, может описать их различным образом: *как созвездие, как группу звезд или как крапинки света на небе*. Такие выражения семантически отличаются, они отражают видение картины говорящим – особенное представление какой-то области. Условные представления оформляются символическими единицами языка (лексическими и грамматическими) и являются существенными для их семантической ценности.

Теперь рассмотрим подробнее то, что, на наш взгляд, в концепции Р. Лангакера применимо к исследованию категории собирательности. Основой для лингвистического выражения является область, когнитивная структура, ее очертания – это подструктура основы, которая увеличивается до дифференциального уровня и является основанием для высказывания. Высказывания часто цитируют одинаковую область, но контрастируют семантически, избирая альтернативные восприятия в этой общей основе. Например, восприятие «*части земли, окруженной водой*» может функционировать как основа разных высказываний, простых и сложных, очерчивая различные аспекты: остров очерчивает землю, вода рядом с островом – часть воды, береговая линия – границу между ними. Границы высказываний – это то, что отличает очертания, которые вовлекаются в выражение и требуются для характеристики. Ограничение на прямую зависит от того, что мы хотим выделить как отличительную характеристику, что и как воспринимаем. Например, *на стене красное пятно*. Кроме красного пятна мы будем видеть белый фон, который определяет границу. Факт, что эти границы включаются в границу выражения (визуальное поле), отвечает за восприятие красного как ограниченной области. *A red spot – spot* – исчисляемое существительное. Если мы вплотную подойдем к пятну и будем смотреть прямо в центр пятна, то ничего кроме красного пятна мы не увидим и скажем: *Я вижу красное, и ничего больше*. Мы уже не можем сказать, что видим красное пятно. *Красное* – вещественное существительное. Таким образом, цветовое восприятие ограничивается протяженностью визуального поля воспринимающего [10, с. 65].

Ограничение исчисляемых существительных не обязательно должно быть резко определенным. Январь больше ограничен, чем сезон (*January – season*). *Center of the room* – (центр комнаты – цэнтр пакою) и *place (within the room)* – (место – места) – оба выражения имеют перегруженными деталями границы. Тем не менее *center* (центр – цэнтр) определяет специфичность места, в то время как *place* (место – места) – подразумевает любое место. Граница, таким образом, подчеркивает, как она функционирует, она виртуальна.

На рисунке 1 мы видим виртуальную границу (пунктирная линия) для *bump, bulge, protrusion, welt* (выпуклость, рубчик – выпукласць, пукатасць, рэльефнасць) и т.д. То же самое верно и в отношении *dent, hole, pit, cavity* (яма – упадзіна, лагчына), что иллюстрирует рисунок 2.

Существительные *jar, pot, tub, vat* (банка, кувшин, горшок, котелок, бочка, кадка – слоік, збан, гарничок, бочка, кадка) имеют виртуальную границу (рис. 3), которая предполагает наличие конструкции «В» (например, вложить что-то в кувшин).

Собирательные существительные *Archipelago, forest, orchard, swan* (архипелаг, лес, сад, лебедь (созвездие) – архипелаг, лес, сад, лебеды) изображены на рисунке 4. Эти существительные предполагают наличие виртуального поля, которое объединяет совокупность одинаковых или неодинаковых элементов, но которые мыслятся как одно целое в высказывании [10, с. 65].

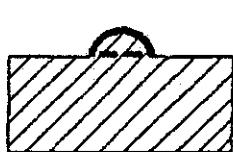

Рис. 1

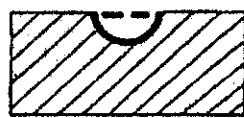

Рис. 2

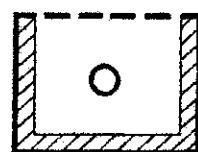

Рис. 3

Рис. 4

Возьмем слово *team* (команда – каманда). Где мы можем провести границу «команды»? «Команду» можно представить даже тогда, когда игроки разбрелись по всему полю и смешались с командой противников. *Созвездие* состоит из звезд, которые имеют пространственное ограничение, но они также находятся на ночном небе среди других звезд. И этот факт не мешает нам выделить среди множества звезд *созвездие*. Когда мы произносим какое-нибудь слово (через восприятие, называние или представление), например, говорим о звезде, в нашем мозгу происходят когнитивные процессы, которые представляют ментальный опыт. Звезды в созвездии взаимосвязаны, не виртуально, а посредством того, что наблюдатель выделил определенное расположение звезд в единстве посредством сложных когнитивных процессов. Буквы в алфавите взаимосвязаны, своим расположением в определенной последовательности и нашим знанием их последовательности – иерархически организованная нить букв, алфавит в целом.

Таким образом, мы можем определить «область» как набор взаимосвязанных сущностей, элементов. Эта область имеет границу (до определенной степени). *Созвездие – constellation – сузор'е* – это область, потому что звезды связаны через когнитивные действия, влияющие на их взаимодействие, как пункты схематичного восприятия. Эта область ограничена потому, что только особенный, ограниченный набор звезд соединяется в фигуру, другие звезды, попадающие в тот же фон, исключаются. *Алфавит – alphabet – алфавіт* ограничен потому, что только определенные буквы как первоначальная и все последующие представляют последовательность. Существуют и другие такие существительные типа: *orchestra, trio, jigsaw puzzle, corporation, deck (of cards), audience, society – оркестр, трио, публика общества – аркестр, публіка, грамадзтва*). Каждое слово представляет ограниченное собрание дискретных элементов, которые существуют как область, потому что они предполагают наличие взаимосвязанных элементов большего соединения, получающего свой общий коллективный характер через функцию, а не структуры рассмотрений. Соединение элементов должно существовать в смысле взаимодействия и, таким образом, организовывать область. В виртуальном представлении все понятия могут так конструироваться. Каждый предмет имеет область в пространстве, но не каждая область специфична для узнаваемости, существуют и другие факторы (основанные на плотности или минимальности расстояния, взаимодействии, коммуникативной целостности). Для примера рассмотрим два слова (рис. 5): *together* и *group* (a); *вместе* и *группа* (p); *сумесна* і *група* (б).

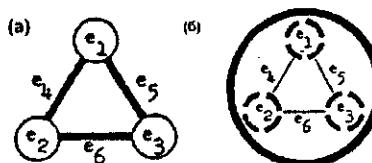

Рис. 5

Каждое из слов (*вместе* и *группа*) состоит из трех человек, их общность практически одна и та же. Семантическое отличие и принадлежность к разным грамматическим категориям зависит от контрастного представления, которое они предполагают в своем содержании: $[e_1] [e_2] [e_3]$ отвечают за когнитивные действия, чье существование представляет трех участующих индивидуумов (взятых по отдельности); $[e_4] [e_5] [e_6]$ – скоординированные действия между каждой парой индивидуумов. Эти действия составляют размер пространственной близости: $[e_4]$ – когнитивное действие, которое регистрирует пространственную близость индивидуумов, чье представление присуще существованию $[e_1]$ и $[e_2]$. Таким образом, фигура (a) представляет диаграмму воспринимаемого содержания *вместе* и *группа*, выраженного в терминах представленных когнитивных событий. При относительном утверждении *вместе* предполагает сущности, соответствующие $[e_1] [e_2] [e_3]$ и схематизирует взаимодействия между ними. Особенная значимая характеристика схематичности показана жирными линиями в фигуре для обозначения скоордини-

рованных действий [e₄] [e₅] [e₆], которые представляют попарные размеры пространственной близости. По определению эти понятия устанавливают область, охватывающую [e₁] [e₂] [e₃], которую утверждение *группа* кладет в схематичность в фигуре (б): взаимодействия тогда получают неочерченный аспект основы, в то время как [e₁] [e₂] [e₃] получают высокую очерченность, так как они представляют отличительность колективно, а не индивидуально. Пунктирная линия кружочков показывает, что они выделяются только как аспекты области [e₁] [e₂] [e₃], которая изображена сплошным жирным кругом и представляет более высокий уровень организации. Относительные утверждения, таким образом, не отличаются по их концептуальному содержанию, но отличаются по их релевантным признакам. В данном случае, *группа* тоже состоит из трех человек, как и *вместе*, но статус «единого целого» в *группе* – главный [3, с. 75]. Согласно толковому словарю под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: *вместе* – указывает на совместность, участие в одном и том же действии. – *Действовать вместе с друзьями. Мы вместе с ним решили. Группа:* 1) несколько предметов или людей, животных, расположенных близко друг от друга, соединенных вместе. – *Группа всадников;* 2) совокупность людей, объединенных общностью интересов, а также совокупность предметов, объединенных общностью признаков. – *Группа учащихся. Общественная группа* [1].

Как известно, каждое относительное утверждение показывает асимметрию в значимости и согласует сущности, которые участвуют в очерченном взаимодействии. Эти участники представляют ориентир и анализируются как фигура внутри относительного очертания (фона). В основе описания лежит понятие когнитивной области, по отношению к которой происходит высказывание. Концептуализация подразумевает процесс выделения понятия на основе имеющихся представлений – профилирование.

Следующая группа слов, которую мы рассмотрим: *лист* – *листья* – *листва* (*p*); *лист* – *листы* – *лісце* (*b*) – *leaf* – *leaves* – *foliage* (*a*). *Лист* – фигура; *листья* – множество фигур, которые можно обозначить как суммирование подобных, они представляют множество, мы не можем сказать, что все они одниаковые, но для утверждения это не имеет значения. Мы можем виртуально очертить область *листьев*, но мыслим мы их как отдельные существующие элементы. В значении *листва*, мы получаем множество элементов, которые представляют фон, мы не можем вычленить элементы, их много (недискретная собирательность). Этот фон мы воспринимаем как единое целое, но состоящее из множества. Фон представляется виртуально. Между *лист* (лист сухой валится осенью) *листья* и *листва*, разница в образе, т.е. в исходной точке и способе, каким получается значение множественности: в одном случае, единица, служащая символом множества, в другом – раздельное множество, в третьем – сплошное множество, понятое как единица или множество. В.В. Виноградов замечает, что «категория числа имен существительных представляет сложный предметно-смысловый узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительного. Сильной формой числа в современном русском языке является множественное число. В разнообразии употребления форм множественного числа выражается смысловое противопоставление разъединенного множества, отдельных единиц и коллективной совокупности, или сплошной массы однородных предметов» [11, с. 148].

Семья – *сем'я* – *family* (дискретное собирательное): семья как минимум должна состоять из двух человек, но представляют они семью только в единстве. По-отдельности мы уже не сможем этих людей воспринимать как семью. Таким образом, у нас существует виртуальная граница *семьи* – фон, состоящий из двух фигур, которые существуют как отдельные единицы, но представляющие семью только в единстве, фон диффузен – семья может состоять из трех, четырех, пяти и т.д. человек. В английском языке выражение в этом случае может координироваться с глаголом как в единственном, так и во множественном числе в зависимости от смысловой выделенности этих фигур на фоне. Если они выделяются (представляют дискретную собирательность), то глагол употребляется во множественном числе, если нет (недискретная собирательность), то глагол употребляется в единственном числе. Именно поэтому можно сказать: *My family is big. My family are early risers*. Различное сочетание характеристик передаваемого и основного концептов в каждом конкретном случае создает основу для конфигурирования, т.е. придания той или иной формы концептуальному содержанию.

Собирательность, таким образом, представляет собой нашу способность абстрактно мыслить. Можно выделить несколько уровней абстракции. На первом уровне – это и есть собственно собирательные существительные (*листва*, *лісце*, *foliage*). Лексическая собирательность – это качество, присущее всем понятиям, которые можно разложить на составляющие компоненты. Это способность нашего мозга образовывать второй уровень абстракций. Эти собирательные существительные состоят из набора каких-то признаков: из совокупности вещей, из многоактных действий и т.д. Это лексическая собирательность более высокого порядка. На втором уровне абстракции собирательность может быть либо дискретной, либо нет. Если мы имеем дело с дискретной собирательностью, то мы выражаем это с помощью множественного числа, если недискретная – то с помощью единственного числа. В английском языке дискретность выражается согласованием с глаголом.

Собирательное слово представляет своего рода *гештальт*, под которым мы понимаем целостные, несводимые к сумме своих частей, образы фрагментов мира [12, с. 90]. Это огромное поле, состоящее из

набора каких-то свойств или качеств, мы можем воспринимать его как целую картинку (не разлагая на составляющие), а можем и разложить.

Согласно работам Дж. Фокониа, языковая деятельность это осуществление когнитивных действий, бесконечных моделей и фреймов, установление множественных связей, скоординированность знаний. Когнитивные построения, действия и динамика их развития, понимание системы концептуализации являются основным моментом анализа. Для того чтобы в полной мере представить значение выражения, нам надо рассматривать его в полном контексте [13]. Чтобы разобраться в феномене согласования глагола с существительным либо в единственном, либо во множественном числе, рассмотрим следующие собирательные существительные: *army, audience, board, cabinet, class, committee, company, corporation, council, department, faculty, family, firm, group, majority, minority, navy, team – a*; армия, публика, кабинет, комитет, класс, компания, корпорация, совет, отделение, факультет, семья, фирма, группа, большинство, меньшинство, команда – *p*; армія, публіка, кабінет, камітэт, клас, кампанія, карпарація, савет, аддзяленне, факультэт, сем'я, фірма, група, большасць, мянишынства – *b*. Все вышеперечисленные собирательные существительные представляют собой единство, состоящее из множества людей. Не может быть ни комитета, ни класса, ни компании, представленных одним человеком. Дело в том, что люди могут вести себя как общность и как отдельные единицы. Этот двойной статус и выражается наличием согласования с глаголом либо в единственном, либо во множественном числе в английском языке.

Рассмотрим следующие примеры:

1. *Every afternoon the football team follows its coach out to the hot practice.*

Каждый вечер футбольная команда следует за тренером на тренировку.

Кожны вечар футбольная каманда следуе за трэнэрам на трэніроўку.

Team – единственное число, *follows* – глагол в единственном числе, *its* – местоимение в единственном числе. Все члены команды следуют одновременно в одно место.

2. *Today, Dr. Ribley's class takes its first test.*

Сегодня класс Д. Рибли сдает свой первый тест.

Сення клас Д. Рыблі здае свой першы тэст.

Class – единственное число, *takes* – глагол в единственном числе, *its* – местоимение в единственном числе. Все ученики класса тестируются одновременно.

3. *The jury agrees that the state prosecutors did not provide enough evidence, so its verdict is not guilty.* Присяжные заседатели согласны, что прокурор не предоставил достаточной очевидности (преступления), поэтому их вердикт – не виновен. *Прысяжныя засядоцелі згодны, што пракурор не даў дастатковай відавочнасці (злачынства), таму іх вердыкт – не вінаваты.*

Все присяжные заседатели имеют одно и то же мнение. В английском языке мы видим согласование с глаголом в единственном числе, в русском и белорусском – во множественном, несмотря на то, что мнение присяжных заседателей тоже совпадает, но подлежащее – присяжные заседатели – во множественном числе и, следуя синтаксическому фактору, сказуемое тоже во множественном.

4. *After the three – hour practice under the hot sun, the team shower, change into their street clothes, and head to their air - conditioned homes.*

После трехчасовой тренировки под палящим солнцем, команда пошла в душ, переоделась и отправилась домой. Пасля трохчасовай трэніроўкі пад жаркім сонцем, каманда пайшла ў душ, пераапарнулася і направілася дадому.

Team – по грамматической форме – единственное число, но представляющее множественное для мысли, состоящее из игроков команды – дискретное собирательное, *shower, change, head* – глаголы во множественном числе, *their* – местоимение во множественном числе. Члены команды одеваются каждый свою одежду и все уходят домой в разных направлениях (семантический фактор). В русском и белорусском языках согласование с глаголами в единственном числе (синтаксический фактор).

5. *After the long exam, the class start their research papers on famous mathematicians.* После долгого экзамена класс начинает свою исследовательскую работу об известных математиках. *Пасля доўгага экзамену клас пачынае сваю даследчую работу аб вядомых матэматыках.*

Class – грамматическое единственное число, но множественное для мысли – дискретное собирательное; *start* – глагол во множественном числе; *their* – местоимение во множественном. Каждый студент выполняет свое собственное исследование, в различных местах, в разное время. Как в русском, так и в белорусском языках согласование с глаголом в единственном числе это, конечно, не предполагает, что исследование одно на весь класс, это – следование синтаксическому фактору.

6. *The jury disagree about the guilt of the accused and have told the judge that they hopelessly deadlock.* Присяжные заседатели не согласны по поводу вины обвиняемого и сказали судье, что они в тупике. *Прысяжныя засядоцелі не згодны па прычыне віны абвінавачанага і сказалі суддзі, што яны ў тупіку.*

Jury – множественное для мысли – дискретное собирательное, *disagree, have told* – глаголы во множественном числе, *they* – множественное. Не все присяжные заседатели едины в своем решении. Семантический фактор предопределяет употребление глаголов во множественном числе в английском язы-

ке. В русском и белорусском языках глаголы тоже во множественном числе, но основано это не на различии во мнениях присяжных заседателей, а в следовании синтаксическому фактору. Таким образом, можно сказать, что английский язык больше подвержен влиянию семантического фактора, русский и белорусский – синтаксическому.

Представим теперь трех котов в одной комнате. Разве коты делают одно и то же одновременно? Конечно, нет. Один кот, например, будет лежать на телевизоре, второй – смотреть в окно, третий – мурлыкать на диване. Мы видим одну группу животных, но каждый из них занят своим делом. Члены, объединяющиеся в одно целое и представляющиеся как собирательное существительное, должны иметь общее занятие, мнение и т.д. Групповой работе подвержены в большей степени люди и стадные животные.

Можно представить голубей, клюющих зернышки на земле. Вдруг появляется кот. Все голуби улетают, спасаясь от хищника, в одном направлении. И мы можем передать это высказыванием: *Стая голубей улетела – a flock of pigeons flew away – зграя голубоў зляцела.*

Выводы. К числу основных факторов, взаимодействующих в процессе формирования конкретных лексико-грамматических смыслов, относятся: лексическая семантика соответствующих языковых единиц (семантический фактор), структура предложения-высказывания (синтаксический фактор), ближайший лингвистический контекст (контекстуальный фактор). Осуществляя сопоставление высказываний, мы можем выявить несовпадения в рассматриваемых языках, которые являются отражением их национальной специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: 2002. – 939 с.
2. Яўнэвіч, М.С. Сучасная беларуская літаратурная мова. Марфалогія / М.С. Яўнэвіч. – Мінск: 1997. – 287 с.
3. Xornby, A.S. The Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Xornby, E.V. Gatenby, H.W. Wakefield. – M.: Изд-во «Сигма-пресс», 1996.
4. Delahanty, G.P. Language, Grammar, Communication. A Course for Teachers of English / G.P. Delahanty, J.J. Garvey. – 1994 by McGraw – Hill, USA. – P. 110 – 117.
5. Longman, Grammar of spoken and written English / D. Biber [et al.]. – Pearson Education Limited. – 1999. – P. 240 – 259.
6. Асмус, В.Ф. Логика / В.Ф. Асмус. – Киев, 1947.
7. Холодович, А.А. Проблемы грамматической категории / А.А. Холодович. – Л., 1979. – 304 с.
8. Кравченко, А.В. Когнитивная парадигма в языкоznании и новые вызовы / А.В. Кравченко, В. Поляков // Когнитивное моделирование в лингвистике: сб. докл. – Варна; М., 2003.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996. – 245 с.
10. Langacker, R.W. Nouns and verbs // Language / R.W. Langacker. – Berlin, 1987. – P. 76 – 125.
11. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
12. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2008. – 265 с.
13. Fauconnier, G. Mental Spaces / G. Fauconnier. – New York: Cambridge University Press, 1994. – P. 96 – 125.
14. Калинина, Л.В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных / Л. В. Калинина. – М.: Вопросы языкоznания. РАН, 2007. – С. 55 – 70.
15. Кубрякова, Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи: сб. ст. / Е.С. Кубрякова. – М., 1996.
16. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 315 с.
17. Клименко, А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение / А.П. Клименко. – Минск, 1974. – 108 с.
18. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 267 с.
19. Атраховіч, К.К. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / К.К. Атраховіч. – Мінск: Акад. імя Якуба Коласа, 1978. – Т. 5.

Поступила 04.02.2009